

СЛОВО КАК «ЗАКЛЯТИЕ ВЕЩЕЙ» (ФЕНОМЕН ДЕТСКОЙ РЕЧИ В ПОВЕСТИ «КОТИК ЛЕТАЕВ» А. БЕЛОГО И ИССЛЕДОВАНИЯХ Л. ВЫГОТСКОГО)

Анализируется концепт детского слова как онтологического феномена на материале повести «Котик Летаев» А. Белого и исследования Л. Выготского «Мышление и речь». Используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, мифопоэтический методы. Выделены основные аспекты детского восприятия слова и языка как системы, пре-существляющей действительность, установлена особая значимость внутренней экспрессии слова для ребенка, намечены подходы для изучения мифологемы детства в общей философской системе символизма.

Ключевые слова: А. Белый; Л. Выготский; «Котик Летаев»; детское слово; внутренняя форма слова; экспрессия внутренней формы; простой символ.

В 1909 г. А. Белый определил формулу воздействия слова на действительность, в которой средневековая алхимия уживалась с евангельской притчей: «Слово есть заклятие вещей; слово есть призыв и вызывание бога. Когда я говорю “я”, я создаю звуковой символ; я утверждаю этот символ, как существующий, только в ту минуту я сознаю себя» [1. С. 137]. В тот момент европейская цивилизация, окончательно отказавшаяся от координат христоцентричного мира, двигалась в сторону культуры с непривычной полярностью (см.: [2, 3]) и новыми философскими парадигмами. Проблема происхождения человека, центральная для науки и искусства того времени, вызвала к жизни вопросы о последствиях изменения культурного кода с его традиционной героикой, основанной на поиске Творца и служении ему, о границах сверхчеловеческого, о новом понимании истории и, наконец, о языке, который до недавних пор был одним из свидетельств существования Бога (см.: [4. С. 190–208]). Символизм оказался связующим звеном между старым и новым искусством. Медиация как признак формы и теургия как явление духа обеспечили ему положение проводника между цивилизацией, в которой «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», и новым веком, где право произносить слово осталось за человеком.

Повесть «Котик Летаев» А. Белого и исследование Л. Выготского «Мышление и речь» разделяют два десятилетия. Но методы изучения семиотической реальности, которые в них использованы: историко-типологический, биографический, мифопоэтический, а также выводы о природе языка и его влиянии на формирование у человека определенной картины мира поразительно схожи. Выготский неоднократно цитировал А. Белого, в частности его работы о ритме и музыке, в своих трудах. Белый же, подобно Выготскому, в «Котике Летаеве» произвел психологический эксперимент припоминания собственного детства. Обратившись к мифологическим корням младенчества, он записал «миги сознания» ребенка и его первые слова. Несмотря на различие в целях, вопрос о первоначале, по-видимому, одинаково сильно занимал А. Белого и Л. Выготского: каким было слово до рационального сознания – на заре времен, в эпоху мифа, ритуала, архаики? Для обоих исследователей матрицы названных пространств пересеклись в сознании ребенка, а детское слово получило статус базового элемента архитектоники мироздания.

В «неомифологических» текстах символистов (см.: [5. С. 59–96]) миф выполняет функцию языка-шифра, которым рассказана история о Сотворении мира. В ней реалии современности и тайнопись первобытного искусства сливаются в синтетическом единстве как теза и антитеза бытия. Мировой Текст пишется, как бы сказал А. Белый, «живым словом», а именно символом. Но если от взрослого процесс преобразования жизни искусством, символизации реальности, требует серьезных мистико-ритуальных усилий, то для ребенка совершенно естественно закладывать вещную реальность словом. Связь с мифом еще не разорвана, а язык обладает самым высоким онтологическим статусом, всемогуществом Бога, софийностью и красотой.

В устах младенца слово, в силу отсутствия у ребенка опыта жизни и искусства, очищается от «шелухи веков» и превращается из атома культуры в свойство конкретного предмета или явления. Но именно эта конкретность позволяет снять с палимпсеста все слои кроме самого первого, стереть сложный ряд значений, накопленных в ходе исторического развития, обнажив его внутреннюю форму (термин используется в понимании А.А. Потебни).

Исследователи знаковых систем, в том числе Ю.М. Лотман, договорились называть простыми символами такие, «план выражения которых имеет характер элементарных геометрических форм» (см.: [6. С. 87]). Слово ребенка и есть та самая простая геометрическая форма, которая для детского сознания конкретна, но ее внутренняя структура обладает гораздо большей многоплановостью, чем сложные символы современности. Внутренняя форма слова потому представляет столь высокую ценность для исследователя, что она предельно эмоциональна и предикативна, т.е. заключает в себе представление человека о «цели» предмета, а также его побуждение «заклясть вещь», выраженное языковой структурой, близкой к междометию. На этапе номинации звук работает как символ – мягкость / твердость, звонкость / глухость выражают отношение говорящего к действительности, и эта внутренняя экспрессия сближает словообразование с процессом создания произведений искусства.

Мысль об изоморфности живого слова тексту звучит как в философских работах символистов, так и в исследовании Л. Выготского «Психология искусства». В нем Выготский касается теорий психологов и лингвистов, в том числе А.А. Потебни, которым

близка точка зрения о сходстве слова в его трехчастной структуре с художественным произведением. По мнению Л. Выготского, искусство – работа эмоционального мышления, и любой текст подчиняется принципу борьбы и антиномичности его элементов (см.: [7]). Столкновение двух противоположных импульсов вызывает у воспринимающего сильное душевное волнение, которое переживается в процессе катарсиса. К ведущим антиномиям Выготский относит, к примеру, антагонизм материала и формы, характера героя и его цели, удара в слове и стихотворного размера: «Закон эстетической реакции один: она включает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение. Вот этот процесс мы и хотели бы определить словом катарсис» [7. С. 139]. Таким образом, если пользоваться определениями Выготского, катарсис слова – его внутренняя форма, катарсис искусства – символизм, а катарсис разговора Бога с человеком – сознание ребенка. Примечательно, что для ребенка (по всей видимости, до развития абстрактных понятий) не существует искусства, и, как пишет Выготский, рисунок ребенка – это не душевное движение, а схема действительности, т.е. опять-таки явление конкретного, а не абстрактного порядка. Тем не менее уже в детстве человек овладевает основными принципами искусства, в том числе важным – нарушением нормы (об этом свидетельствует интерес ребенка к стихам-перевертышам, события в которых разворачиваются в алогичной действительности). По Выготскому, стихосложение, т.е. ритмизация, – в первую очередь, процесс столкновения нормы фонетики и нормы метра.

А. Белый, как и Выготский, был прекрасно знаком с работами А.А. Потебни: в 1910 г. в журнале «Логос» выходит статья А. Белого, в которой он подробно рассматривает труд «Мысль и язык» и с восторгом отзывается о теории ученого. Белого особенно занимает вопрос аполлоническо-дионисийских антиномий в русском языке, представленных внутренней борьбой языкового наследия и неологизмов, а также параллелизм происхождения слов и мифических образов из творческой энергии речи и поэтической энергии народов. В детском слове А. Белого интересует именно эта не осознанная ребенком приближенность слова к акту творения, равно мифичность.

Л.О. Чернейко пишет об особом дыхании текста повести «Котик Летаев» [8. С. 138], которое ощущается через пульсацию разнообразных смыслов в момент перехода роя сознания в строй: через первые детские мышлечувствия Котика Летаева просвечивает тайна мира. Вселенная Котика дышит и ритмизуется, прежде всего, словом, а движение слову, в свою очередь, задают его внутренняя форма и ее экспрессия. Катарсис совершается посредством типичной символистской триады: внешняя форма (звук), содержание (значение) и звено-медиатор (внутренняя форма, или идея слова, т.е. выражение эмоции, вызванной предметом, через выбор языковых средств – звуков и морфов). Ребенок обладает чутким слухом к внутренней экспрессии слова, а взрослому для возвращения в си-

туацию первоначальной сакральности речи необходима символизация реальности. Именно поэтому у повествователя в тексте А. Белого – два голоса, один из которых только учится произносить слова, а второй пресуществляет реальность символами-окказионализмами. Панэстетизм (о панэстетизме символистов – см.: Минц З.Г. Поэтика русского символизма) представляется нам важнейшей характеристикой слова у символистов, а ребенок, сознание которого пока не оперирует эстетическими категориями, тем не менее, уже способен удивляться речи, т.е. особым, наивно-искренним образом чувствовать красоту языка.

Дети удивляются слову как некоей мировой загадке – отсюда многочисленные вопросы «почему названо так, а не иначе», «как появилось слово», «что это значит». Произнося слово, ребенок ощущает свое присутствие акту творения мира, процесс озвучивания действительности для ребенка – неосознанная проба себя в роли художника.

Чтобы доказать, что именно детским словом, в концептуальном понимании, пишется Текст символистского мифа о мире, мы должны уточнить, какую функцию выполняет слово в речи взрослого и ребенка. Опираясь на многочисленные наблюдения за развитием детей от рождения до семилетнего возраста, Л. Выготский предлагает убедительные доказательства теории о взаимовлиянии речи и мышления. Так, согласно гипотезе Выготского, примерно до двухлетнего возраста речь и мышление ребенка развиваются разными путями, а первые слова обладают аффективно-волевой, указательной тональностью, выражают желания и чувства (см.: [9]). Они всегда предикативны, одно слово включает в себе свернутое и сжатое до знака предложение. Как пишет Выготский, овладение грамматическими структурами происходит раньше, чем овладение логическими. Постепенно чувственное мышление заменяется образным, а образ сливается со словом, слово превращается в одну из его характеристик (как синий – характеристика цвета предмета). В этот период речь становится интеллектуальной, а ребенок начинает активно расширять словарный запас и не только повторять слова за взрослым, но спрашивать, как называется тот или иной предмет. Овладение языком идет сразу в двух направлениях: от частного к общему и наоборот, но особую роль в развитии речи играет именно обобщение. Ребенок составляет из слов, обладающих определенными признаками, неупорядоченные множества, затем из множеств формируются комплексы предметов – они, в свою очередь, образуют псевдопонятие или понятие-комплекс, которое, как подчеркивает Выготский, нельзя сравнивать с понятиями взрослых. Слова ребенка и слова взрослого совпадают в их номинативной функции и предметной отнесенности, но для объяснения значения слова используются разные мыслительные операции. Если комплекс слов ребенка – собрание конкретных предметов, то взрослый оперирует абстрактными понятиями. По мнению исследователя, дети овладевают абстрактным мышлением, а значит, и понятием в истинном значении этого слова, только к 12-летнему, переходному возрасту.

Структура повести А. Белого повторяет направление мысли Л. Выготского о связи развития мышления ребенка с овладением речью. Н. Какинума делит текст на три части, каждая из которых охватывает год [10. С. 246]: 1) главы I–III – 3 года – образное мышление; 2) главы III–IV – 4 года – переход образного мышления в понятийное; 3) главы V–VI – 5 лет – понятийное мышление (псевдопонятия, по Выготскому). Нам представляется оправданным пользоваться следующими определениями для описания речевого развития Котика Летаева: период до Касьянова – чувственно-образная стадия мышления; после Касьянова – интеллектуальная стадия, когда ребенок может оперировать псевдопонятиями.

В повести А. Белого соединяются и вступают во взаимодействие два повествовательных голоса: 35-летнего «Я» главного героя и его трехлетнего альтер-эго. Смена фокального персонажа у Белого происходит незаметно и никак не связана с нарративной структурой повести. Часто перемена точки зрения совершается внутри одного абзаца или предложения. «Мне не спится... Повешено мне на стенке окошко» [11. С. 69], – отмечает маленький Котик, совершенно уверенный, что окошки вешают на стены, как картины. «Там – стылая ясность вечернего неба; и стылая ясность вечернего неба дрожит» [Там же. С. 69], – продолжает 35-летний повествователь за Котика, до-создавая символ застывшей, охваченной мифом реальности.

35-летний Котик Летаев и его трех-пятилетнее альтер-эго на фоне их духовных поисков истинной реальности вступают в особый диалог сократического характера. А. Белый пользуется приемом раздвоения сознания, в том числе для создания контраста между словом и мышлением ребенка и взрослого. В тексте повсеместно наблюдаем речевую диффузию, а именно проникновение принципов детского словообразования во взрослую речь Котика Летаева и наоборот: дыханием символизма наполнены детские миги сознания трехлетнего героя.

В тексте практически не используется прямое высказывание Котика Летаева, его слово не вокализовано. Котик не вступает в диалог с родителями, он делится впечатлениями не вслух, а про себя. В повести сочетаются два повествовательных плана: наррация от первого лица и внутренняя речь Котика Летаева. Последний феномен подробно рассмотрен в исследовании Л. Выготского (см.: [9]). По мнению ученого, ребенок овладевает внутренней речью после того, как внешняя речь проходит через так называемую эгоцентрическую стадию. В возрасте от четырех до семи лет ребенок при решении сложной семантической, логической или психологической задачи проговаривает свое решение вслух. Говорение помогает ему отыскать верный ответ. На эгоцентрической стадии происходит разделение речи по функциям: внешняя – для других, внутренняя – для себя. Функции определяют характерные синтаксические и смысловые особенности речи. Так, Выготский пишет, что внутренняя речь является предикатом с усеченными подлежащими, со сжатием слов до отдельных звуков. Внутренняя речь живет по законам сновидения, обладает свойством

концентрации смысла в одном символе. Мысль – сгусток смысла, внешняя речь, напротив, расчленяет его словами, но «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [9. С. 294].

Эгоцентрическая речь Котика Летаева у А. Белого переведена в план внутренней речи, благодаря чему любое размышление и внутреннее высказывание Котика становится весомым: «Мои детские, первые трепеты: трепеты ощущаемых мыслечувствий сознания; трепеты образования текучих миров <...>. Мои первые детские трепеты удивляют меня; удивляет все: что оно таково, каково оно есть; почему оно не текуче? Взмахни трепетом, как крылом, – перестроится все: будет тем, да не тем; а оно – не меняется» [11. С. 47]. Как мы видим, в план внутренней речи переведена эгоцентрическая речь, решающая сложную задачу, что такое действительность. Эта речь не рассчитана на слушателя, ее синтаксис синкопирован, мысль обрывается на середине, а обрыв оформляется с помощью тире. Котик, не владеющий достаточным запасом лексики, заменяет слова местоимениями «такое, каково, оно». Местоимения обладают для него единственным значением, но для читателя они – скопление множества неразгаданных смыслов.

Дихотомия внутренней и внешней речи или, если пользоваться словами Л. Выготского, несовпадение грамматического и психологического подлежащего и сказуемого, открывает целое поле противоречий, в которых протекает жизнь ребенка. Архитектура подбного амбивалентного мира создается словом и изоморфна ему же. Речь призывает классифицировать прежнюю и новую действительность, выражать свои желания, познавать мир. В раннем детстве эмоции ребенка могут одушевляться и переноситься на предмет, их вызывающий. То же самое свойство применимо к слову, так как ребенок на определенной стадии развития не различает знак и предмет, а значит, верит в магическую силу языка. Он требует от взрослых математической точности в обращении со словом, не признает и оскорбляется метафорой как насмешкой над сакральностью речи. Словарь ребенка лишен интертекстуальности, каждый знак обладает конкретным значением, к которому неприменимо понятие палимпсеста. Новизна образа, создаваемого словом, звуковой оболочки, значения ведет к повышенной внутренней эмоциональности речи.

В отличие от «мертвого» отвлеченного понятия, слово ребенка обладает настолько высоким онтологическим статусом, что одно способно снять с мира ризу и проложить путь в ноуменальное измерение. Живые слова суть символы, главная задача которых состоит в остранении через возвращение слова к его первоначальной внутренней форме. Многообразие словесных форм, по мнению А. Белого, происходит из игры, а творчество слова – борьба с вырождением культуры, магия, доступная современному человеку. Это также путь героя мифа, в котором живет ребенок, способ достижения божественной благодати. Оживить понятие символом для Белого значит воскресить его из мертвых. Но Котик Летаев не только обладает способно-

стями Бога воскрешать слова, его функция в тексте – связь миров, а значит, функция чистого символа.

В повести Котик Летаев и его 35-летнее альтер-эго создают систему авторских окказионализмов, пользуясь возможностями нормативного словообразования. Маленький Тесей Котик Летаев сплетает лабиринты новых слов по аналогии с уже существующими, но с нарушением норм, действующих в языке. Если подсчитать количество окказионализмов, придуманных Белым для «Котика Летаева», то повесть можно назвать поэмой не именно о ребенке, но о слове, которое он произносит, и о символе, приближающем слово взрослого к слову ребенка.

Как подчеркивает Л. Выготский, в мыслительных комплексах ребенка слова группируются в множества, подчиняясь цепной реакции, т.е. ребенок обращает внимание на определенную характеристику первого предмета, находит ей соответствие во втором, а третий предмет присоединяется к группе за счет сходства только со вторым, вне зависимости от отношения к первому. Подобный механизм комплексного мышления используется взрослыми для образования метафоры, а в истории языка не прекращается «борьба между мышлением в понятиях и мышлением в комплексах» [9. С. 156].

Интересно, что ребенок, осваивая язык, часто совершает логические ошибки, основанные на метафорических переносах. В каждом незнакомом предмете он отыскивает признак уже знакомого и на этом основании переносит функции и свойства второго предмета на первый. Процесс, тем не менее, глубоко иррационален, в отличие от метафоризации художественного текста или стертой метафоры, которая превратилась в идиому. По словам А.А. Потебни, в мифе метафора отсутствует, так как в рамках мифологического сознания никакое переносно-фигуральное использование слова невозможно.

Вероятно, именно поэтому взрослая метафора, которую можно сравнить с властью сознания над языком, так же необъяснима для ребенка, как детская логика мифа – для взрослого. Ребенок отстаивает всемогущество речи, и этим объясняется своеобразная логичность ребенка в отношении языка, строгое требование соблюдать раз и навсегда установленные правила и даже обида на взрослых, когда они говорят метафорическими «нелепицами».

На этапе освоения языка ребенок ближе к внутренней форме слова, чем взрослый. Детский пралогизм позволяет ребенку отыскивать «идею слова», а именно ту эмоцию, которую испытывал человек, впервые совершивший звуковое наименование. «Вот он “я”... А вот – “муха”, и она меня мучает» [11. С. 88], – говорит Котик Летаев, соотнося слово «муха» с глаголом «мучать».

Ребенок совершает своеобразное опрощение метафоры. Подтверждение этому находим в тексте А. Белого: «Метафоры понимаю я точно: упал в обморок – значит: упал, куда падают; а ведь падают – вниз» [Там же. С. 54]. Фраза «падать в обморок» открывает Котику новое семантическое поле значений – «падать в чужую квартиру, под нами, где доктор Пфеффер проказникам дергает зубы» [Там же. С. 53].

Процесс «опрощения метафоры», т.е. возвращения словам их первоначального смысла, используется Котиком Летаевым как инструмент мифологизации реальности. Ребенок будто отгадывает загадку метафоры, подбирает ключ к ее внутренней форме и декодирует ее до состояния первоначала, т.е. мифа. Двойное кодирование в произведениях А. Белого подробно рассматривает О.Р. Темиршина в монографии «Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия». Исследователь выделяет тексты Белого, которые могут быть прочитаны как метафора и, одновременно, как миф, где отсутствует перенос значений, а читатель и автор относятся к описываемым событиям с доверием ребенка. Этот особый тип текстов с наложением друг на друга двух концептуальных планов О.Р. Темиршина называет поэтическими загадками: «У загадок Белого невозможно понять, какой план является означающим, а какой – означаемым: астральный и земной планы уравниваются в своих семантических правах» [12. С. 141]. А. Белый буквально заговаривает реальность, зачаровывает ее «обоюдным тропом», что позволяет ему «реанимировать миф» [Там же. С. 142].

Той же цели с помощью демегафоризации достигает Котик Летаев. Непонимание причин многих процессов приводит его к неверным выводам, часто подкрепленным речевыми доказательствами, так как слова он воспринимает исключительно в их прямом значении. Один из первых детских мифов, основанных на ощущении бесконечности жизни, ее непрерывности и волшебности, – «Дядя Вася перерезался»: «он одним куском к нам захаживал отобедать, а другой – позже встретился: на обертке полезнейшей книжки “Вымершие чудовища”; называется он “динозавр”» [11. С. 32]. Вещи в детском сознании одушевляются, а живые существа, напротив, овеществляются – наделяются «бессмертием» вещей: могут сломаться, перерезаться пополам, при этом продолжают существовать: «Главное – чтобы бабушка не сломалась, как сломалась однажды она, как недавно мной сломанный слоник: – как она к нам подсела; и подзывала меня: ее тиснуть; ну, – я ее тиснул; она же сказала: “Сломаюсь”. Я тиснул еще ее; и – сломал» [Там же. С. 58].

Исследователи уже обращали внимание на историю со «Львом», оказавшимся сенбернаром по кличке Лев с Собачьей Площадки. Котик, услышав известное ему слово «лев» и полагаясь на исключительную нормативность языка, сделал вывод, что львом могут называть только африканское животное.

Пока ребенок не научился оперировать общими понятиями, любое наименование для него уникально. Каждое слово принадлежит определенному предмету и не может характеризовать целый класс. Обобщение доступно ребенку, когда он выведет первое псевдопонятие из разрозненного множества. Для Котика одно из таких понятий – Толстой: «На город приходится: по математику, губернатору, архиерею и... Льву Толстому» [Там же. С. 81].

Освоение языка Котиком Летаевым подтверждает теорию Белого о том, что метафора генетически родственна символу, но не равна ему, а символ имеет прямую связь с мифом. Метафора взрослых для Коти-

ка непонятна, он производит ее развенчание по принципу обратного словообразования. Словосочетание, несущее метафорический смысл для взрослых, в прямом значении наделяется свойствами мифа. Выражение «Валериан Валерианович Блещенский сгорает от пьянства» для Котика означает: Блещенский сгорел, обратился в пепел. А когда Блещенский вновь появляется на пороге квартиры, Котик решает, что «Валериан Валерианович все равно, что полено: деревянная кукла он; Блещенских продают саженьями; и потом их сжигают» [11. С. 73].

Сопереживание в Котике рождает приключения Ежешехинского, который, по словам взрослых, «в трубу вылетел», «идет сквозь огонь и медные трубы». По мнению Котика, речь идет о том, что Ежешехинский потерялся в досознательной реальности, где-то в домирье, которому принадлежат трубы, печи и отдушины.

Мама, папа, няня и сам Котик «заводятся» в пространствах комнат, папа водится дома редко, но часто пересекает порог квартиры, а значит, падает в космос и летит в университет. Университет Котик производит от слова «универс», вселенная.

Постепенно Котик осваивает основные правила словообразования и пользуется ими для создания слов, которые лучше существующих объясняют логику мира. Батюшка без парчи для Котика – поп: «поп, попы, попадья, просфора, просвирия – слова, которые меня просветили; главным образом – бабушка; тут она знала толк; я ее считал – подпросвирию» [Там же. С. 57], потому что она подавала просвиру. Котик находит общий корень в словах поступь и поступил – для него это свидетельство общности значений. Фундаменталиков-Чемоданников «поступил, то есть, позволил себе своевольно тяжелую поступь: нарочно гремел по паркету; мне открылось тогда: кто нарочно гремит по паркету, тот совершает поступок» [Там же. С. 59]. Похожим образом Котик Летаев объясняет для себя слово «бестолочь». Это не человек, а процесс, когда пол толкут сапогами: «Городовой Горловасов проделал нам бестолочь: пол толк сапогами; толоки раздавались мне после: пол толк Горловасов» [Там же. С. 100].

Все профессора и директора казенных гимназий – украшения, потому что украшают Империю, а еще изваяния. Все они крепколобы, бьются лбами о стены: «Все прочие мне говорят, что “профессор” – мастиность – то есть, то, чем мостят» [Там же. С. 82]. Такова архитектура для Котика. Профессора и доценты сходят в дом Котика со всех московских карнизов.

В период с трех до пяти лет язык для Котика становится основным средством познания мира. Постепенно теряя связь со своим мифическим прошлым, Котик пытается восполнить утрату могущества, вместо магии мифа овладеть магией слов, которая позволяет ему остаться в круге избранных, богоравных: «Слова напечатаны на душе мне неведомым гиероглифом: – и смысл звуков слова дробится – душою моею – и понимание мира не слито со словом о мире <...>. Объяснение – воспоминанье созвучий; пониманье – их танец: образование – умение летать на словах» [Там же. С. 71–72].

Л. Выготский приходит к выводу, что звуковая оболочка слова и его семантическое значение для ре-

бенка представляют неделимое единство. Он приводит в пример экспериментальную задачу про свойства окна и чернил при перемене их названий. Если спросить ребенка, прозрачны ли чернила, которыми в ситуации эксперимента называется окно, он ответит: нет, потому что это «чернила» и они непрозрачны. Практически о том же самом пишет А.А. Потебня в работе «Мысль и язык» (см.: [13]). Для первобытных людей слово было сущностью вещи, ее двойником. Они верили в то, что к изображению человека переходит часть его жизни. Детское «заклятие вещей» работает по схожему принципу: передать предмету чужое звуковое наименование значит перенести на него свойства этой вещи.

Отсутствие партиципации смысла и звучания находим в повести А. Белого. Котика поражает звук слова «Кре-мль», похожий на «крем-брюлэ»: «В булочной Савостьянова показали мне “Кремль”: это – выступцы леденцовых, розовых башен; и мне ясно, что – “кре” – крепость выступцев (кре-мля, кре-ма, кре-пости), а: – м, мль – мягкость, сладость» [11. С. 72]. Перенос значения на основе звукового сходства Котик производит и над словами драгун-дракон: «Драгун, дракон – то же; появился однажды он: в розово-рдяных рейтузах; я все трепетно ждал: вот он будет из уст нам выкидывать пламень» [Там же. С. 74]. Еще один звуковой перенос – Лондон-ландо. Сосед Христофор Христофорович Помпул собирает статистические данные, за ними бросается в Лондон. К тому же, Котик слышал от папы, Помпул ломает пролетки. Значит, решает Котик, «на переломленной оси, катается в “Лондоне” Помпул; и собирает в нем “данные”» [Там же. С. 81]. Синестезийное сознание Котика Летаева соединяет звучание слова со значением. Дядя Ерш – юмор, потому что «все его поведение таково, как будто бы он старался из воздуха сделать “Ю”; “ю-юю” – юкает он, бывало, очками» [Там же. С. 103].

Папа говорит: «Так-с!», поэтому иксики напоминают Котику таксиков, собачек: «Таксики (думал я) вырастают из этих крючочков; их встречал на бульваре я уже значительно позже» [Там же. С. 63]. Из папиных книг появляются функции, которые ползают и «вероятно, кусаются, как... мурашки, которые позаводились в буфете» [Там же. С. 68].

В тексте А. Белого сложно отделить внутреннее высказывание Котика Летаева от речи 35-летнего повествователя, однако все авторские окказионализмы созданы по правилам детского словообразования. Для детей в раннем возрасте характерна трансформация слова по действию, исходя из функционального назначения предмета, часто с опорой на звучание (кружинка вместо пружинка, кусарик вместо сухарик, колоток вместо молоток); заметное оглаголивание языка, образование новых глаголов от имен существительных; вольное использование префиксов (распакетить пакеты, обснегилась, залошадило); скрещивание слов (блистенькая – блестящая и чистенькая, поломою – мою полы) (см.: [14]). Все вышеперечисленное находим у А. Белого: «спегосыпное дерево вздрогнуло» (скрещивание), «папа же тут занепапится» (оглаголивание), «переживаю титанности» (нарушение языковой нормы сочетания корня с аффиксом), «крылорогие тучи» (агглютинация) и т.д.

Итак, символ создается по образу и подобию детского слова, которое предельно эмоционально за счет того, что внутренняя форма обнажена, и предикативно, в одном знаке заключает целое предложение. Оно – сжатый до знака Текст мифа о создании и создателе, отличающийся трехчастной формой, внутренним движением и стремлением к медиации-катарсису.

Согласно Л. Выготскому и А. Белому, детское слово служит слепком с сознания человека во времена Первоначала, а ребенок говорит языком, на котором мог бы говорить Бог в момент создания мира. Слово ребенка, по определению А. Белого, живо, т.е. сохраняет внутреннюю форму, за счет чего символично, но одновременно конкретно. Овладев грамматикой, ребенок отстаивает особую норматив-

ность языка, в частности, не признает метафору взрослых. Слово для ребенка сакрально и обладает магической способностью «заклинать вещи». Звуковая оболочка и семантическое значение представляют неделимое единство: называя словом предмет, говорящий переносит на него свойства этого слова. Вещи в детском сознании одушевляются, а живые существа, напротив, овеществляются – «магия слов» помещает ребенка в круг избранных, богоравных. Он способен одним словом прусуществлять реальность, что для символиста значит – открывать портал в нумеральное измерение. Поэтому для А. Белого путь к созданию символа лежит через отношение к языку с позиции ребенка, к отысканию первоначальной внутренней экспрессии слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Магия слов // Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 528 с.
2. Бузина Т.В. Самообожение в европейской культуре. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2011. 352 с.
3. Иллиес Ф. 1913. Лето целого века. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
4. Lerer S. Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter. Chicago : The University of Chicago Press, 2008. 385 p.
5. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство–СПб, 2004. 480 с.
6. Барсуков С.Г., Гришакова М.Ф., Григорьева Е.Г., Зайонц Л.О., Лотман Ю.М., Пономарева Г.М., Митрошкин В.Ю. Предварительные замечания по проблеме «Эмблема – символ – миф» в культуре XVIII столетия // Актуальные проблемы семиотики культуры : Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. / ред. Ю. Лотман. Вып. 746: Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. 150 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. М. : Современный гуманитарный институт, 2011. 211 с.
8. Чернейко Л.О. Язык подсознания (на материале повести А. Белого «Котик Летаев») // Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М. : Гнозис, 2017. 208 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2008. 352 с.
10. Какинуна Н. «Котик Летаев» Андрея Белого: влияние языка на развитие формы познания мира // А. Белый. Публикации. Исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2002. 366 с.
11. Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М. : Республика, 1997. 543 с.
12. Темиришина О.Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2012. 290 с.
13. Потебня А.А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 2007. 248 с.
14. Чуковский К.И. От двух до пяти. М. : Детская литература, 2017. 366 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 февраля 2018 г.

THE WORD AS A “SPELL ON THINGS” (THE PHENOMENON OF CHILDREN’S SPEECH IN ANDREI BELY’S *KOTIK LETAEV* AND LEV VYGOTSKY’S THINKING AND SPEECH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 29–35.

DOI: 10.17223/15617793/428/4

Nataliya O. Kononova, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataliyaalkon@mail.ru

Keywords: Bely; Vygotsky; *Kotik Letaev*; child’s word; inner form; inner expressiveness.

The article examines the concept of children’s speech as an ontological phenomenon. The research is based on Andrei Bely’s *Kotik Letaev* and Lev Vygotsky’s *Thinking and Speech*. The main symbolic principles of Bely’s word formation are explored in this paper through the connection with the etymology of the child’s word. Vygotsky’s analysis of child’s mind and speech is used to investigate the psychological aspect of this theme. Bely determines the creation of a symbol as a “resurrection” of words, a return to their original, inner form. The term “inner form” was clarified by the famous linguist A.A. Potebnja. Both Vygotsky and Bely were familiar with his works. The child purifies words from the weight of their historical meanings and interpretations to a clean phenomenon that defines particular things. The inner form of the word is emphasized during this process. As a structure of great importance it contains our ancestors’ emotions about things and a predicative undertone (the concept of the purpose of a thing): the first person who possessed the power of speech tried to put a “spell on a thing” in the process of naming. Bely was especially interested in similarity between child’s words and the first human words in the era of irrational thinking, in the age of mythology. Children are able to hear the inner form and inner expressiveness of the word. Adults have to symbolize reality to return the feeling of the original sacrality of the word. As a result, the narrator in Bely’s novel *Kotik Letaev* has two voices: the first one can feel the power and beauty of the word inner form; the second one sanctifies the reality by symbols-occasionalisms. According to Vygotsky, child’s speech and thinking are usually separated at the age of two, after that they start to affect each other. The structure of the novel *Kotik Letaev* repeats Vygotsky’s thoughts about the connection between thinking and speaking: one could name the period before Kasianovo the sensual stage of thinking, after Kasianovo the intellectual stage, when a child could operate pseudo-notions but without abstract elements in them. Therefore, children often make logical mistakes while speaking. Most errors are based on metaphors, which children refuse to understand. *Kotik Letaev* simplifies the metaphor and during this process returns to the mythological reality, which has a strong impact on the symbolic worldview. Child’s words are free of historical meanings and have the ability to bewitch the reality. They contain the whole sentence in one sign; they are highly predicative and emotional because of the purified inner form. The article proves

that Andrey Bely created a system of authorial occasionalisms using methods of child's word formation such as increasing the number of predicates, derivations of new verbs from nouns, free usage of prefixes.

REFERENCES

1. Belyy, A. (1994) *Magiya slov* [The magic of words]. In: Sugay, L.A. (ed.) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika.
2. Buzina, T.V. (2011) *Samoobozhenie v evropeyskoy kul'ture* [Self-deification in European culture]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Illies, F. (2016) *1913. Leto tselogo veka* [1913. The summer of the whole century]. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Lerer, S. (2008) *Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter*. Chicago: The University of Chicago Press.
5. Mints, Z.G. (2004) O nekotorykh "neomifologicheskikh" tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov [On some "neo-mythological" texts in the work of Russian symbolists]. In: Mints, Z.G. *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
6. Barsukov, S.G. et al. (1987) Predvaritel'nye zamechaniya po probleme "Emblema – simvol – mif" v kul'ture XVIII stoletiya [Preliminary remarks on the problem "Emblem – symbol – myth" in the culture of the 18th century]. *Uchen. zap. Tartusskogo gos. un-ta*. 746.
7. Vygotskiy, L.S. (2011) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Sovremennyy gumanitarnyy institut.
8. Cherneyko, L.O. (2017) Yazyk podsoznaniya (na materiale povesti A. Belogo "Kotik Letaev") [The language of the subconscious (based on A. Bely's novel "Kotik Letaev")]. In: Cherneyko, L.O. *Kak rozhdaetsya smysl: Smyslovaya struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya* [How the meaning is born: The semantic structure of the artistic text and the linguistic principles of its modeling]. Moscow: Gnozis.
9. Vygotskiy, L.S. (2008) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Labirint.
10. Kakinuma, N. (2002) "Kotik Letaev" Andrey Belogo: vliyanie yazyka na razvitiye formy poznaniya mira ["Kotik Letaev" by Andrei Bely: the influence of language on the development of the form of cognition of the world]. In: Boychuk, A.G. (ed.) *Andrey Belyy. Publikatsii. Issledovaniya* [Andrei Bely. Publications. Studies]. Moscow: IWL RAS.
11. Bely, A. (1997) *Sobranie sochineniy. Kotik Letaev. Kreshchenyy kitaets. Zapiski chudaka* [Collected Works. Kotik Letaev. Baptized Chinaman. Notes of an Eccentric]. Moscow: Respublika.
12. Temirshina, O.R. (2012) *Tipologiya simvolizma: Andrey Bely i sovremennaya poeziya* [Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry]. Moscow: A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics.
13. Potebnya, A.A. (2007) *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Labirint.
14. Chukovsky, K.I. (2017) *Ot dvukh do pyati* [From two to five]. Moscow: Detskaya literatura.

Received: 17 February 2018